

**СОЦИОЛОГИЯ НЕЗНАНИЯ:
ТЕРМИНОЛОГИЯ, ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА**
(реферат главы 12 книги: **Andreski S. Czarnoksiestwo w naukach
spolecznych. — Warszawa: Oficyna naukowa, 2002)**)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Станислав Андрески (1919–2007) принадлежит к тому поколению европейских исследователей-гуманитариев, которое посвятило свою жизнь критическому анализу идей классиков социологии (О. Конта, Г. Спенсера, М. Вебера). Этот анализ происходил в контексте войн, революций, диктатур и других катастроф XX в., выпавших на долю этого поколения. Результаты их рефлексии над социальной реальностью своего времени, их исторический опыт представляют для нас, живущих в не столь трагическую, но достаточно бурную эпоху социальных перемен, несомненный экзистенциальный, исследовательский и методологический интерес. В статье реферировано основное содержание двенадцатой главы основного труда С. Андрески «Магия в социальных науках».*

Ключевые слова: *социология незнания, манипуляция, массовое производство, внутренняя цензура, социальные науки.*

Эта глава книги С. Андрески называется «Идеологические заклатья терминологии». В ней обсуждается смысл терминологических споров в социальных науках. Обычно большинство таких споров продолжается до бесконечности, поскольку они не имеют ничего общего с интеллектуальными дискуссиями о познавательной ценности слов. Подпочвой споров является скрытый вопрос: какому лицу или группе принадлежит исключительное право использовать выражения, которые вызывают одобрение или осуждение других лиц и групп, феноменов, событий и процессов? При этом участники спора стремятся не к истине, а к одобрению или осуждению публикой конкретных лиц, феноменов и событий в зависимости от собственного отношения к ним.

Андрески иллюстрирует проблему анализом ситуации с терминами *демократия, реакция, фашизм, тоталитаризм*. Он констатирует, что бесконечный спор о демократии не затрагивает фундаментальную проблему создания научной таксономии политических систем. Яблоко раздора сводится к вопросу: кому принадлежит право использовать такое определение демократии, которое пробуждает позитивное или негативное отношение к ней и вытекающий отсюда принцип иерархизации всех остальных систем? Поиск общего знаменателя всех смыслов слова *демократия* состоит в том, что оно используется как заменитель прила-

гательного хороший: «Это значит, что с полным основанием можно говорить о демократическом супе и котлетах» [Andreski 2002: 161], — хохочет автор.

Но участникам таких споров не до смеха. Смысл слова *реакция* противоположен смыслу термина *демократия*. Если один человек называет другого *реакционером*, то он его наверняка не любит. Но о политических взглядах *реакционера* нельзя сказать ничего определенного, если неизвестно мировоззрение того, кто высказывает такое суждение. Например, в дебатах о фашизме общая цель участников спора состоит в таком определении термина *фашизм*, чтобы он относился к врагам и не относился к друзьям сторон спора.

Эти рассуждения завершаются исходной посылкой, сформулированной Андрески: на протяжении XX в. цели пропаганды и познания перемешались настолько, что крайне трудно **провести строгое различие между пропагандой и познанием**. Классическим примером является термин *тоталитаризм*. Он был изобретен для описания такой политической системы, в которой вмешательство правительства в жизнь общества является всеохватывающим. И некоторые правительства почти достигли такого идеала. Но проблема в том, что ни одно из них никогда не смогло контролировать всех действий всех своих подданных. Поэтому надо определить, какую степень власти правительства над обществом можно назвать тоталитарной¹.

История свидетельствует, что деспотизм редко порождает тоталитаризм, но неизбежно ли тоталитаризм порождает деспотизм? **«До сих пор все тоталитарные государства были деспотическими, однако нельзя исключать, что может возникнуть новый вид тоталитаризма, который будет олигархически-правовым»** [Ibid.: 162]. Поскольку такая возможность не исключена, Андрески предлагает определить тоталитаризм как систему, в которой правительство отвергает любые границы на пути своей власти, непосредственно управляет большей частью своих граждан и не допускает появления независимых от нее организаций². Стало быть, с познавательной точки зрения существует проблема надежной дефиниции тоталитаризма. Тогда как спорные вопросы позволяют растягивать эту дефиницию в зависимости от личных и групповых пристрастий³.

Этот тренд ведет к взаимосвязям между различными вариантами историософии и криптопропагандой. Даже не имеющие ничего общего с проблемами современности понятия могут стать предметом спора для людей, занимающихся криптопропагандой. В частности, термин *феодализм* вошел в употребление в конце XVIII в. (после Французской революции) для описания социальной структуры европейских обществ в период средневековья. Некоторое время спустя европейские путешественники были удивлены подобием между учебниками по истории своих стран и тем, что они увидели в странах Востока. Поэтому они начали употреблять данный термин для описания неевропейских стран. На протяжении XIX в. Сен-Симон, Маркс и Конт создали историософские схемы эволюции человечества. В них *феодализм* рассматривался уже как необходимый этап социально-исторического развития. Это породило

¹ Например, можно спорить, был ли фашистский режим в Италии действительно тоталитарным, поскольку он никогда не вмешивался в деятельность Ватикана и в отношения собственности. К тому же вмешательство правительства может быть направлено в разные сферы. Например, власть Лейбористской партии над британской экономикой в 1946–1950-е гг. была намного большей по сравнению с властью Перрона в Аргентине. Подавление оппозиции часто имело место в государствах, которые не нарушали независимой власти Церкви, а в экономических вопросах использовали доктрину полного либерализма. Примерами могут служить период второй империи во Франции и диктатура Пиночета в Чили.

² Эта дефиниция включает нацистскую Германию и все коммунистические страны за исключением Польши после 1956 г. Италия Муссолини и Польша Гомулки подпадают под категорию полутоталитарных государств, на территории которых действовала независимая Церковь.

³ На протяжении XX в. левые целиком отбрасывали понятие тоталитаризма, поскольку оно вело к выводу о существенных взаимосвязях между нацистскими и коммунистическими странами, что автоматически дискредитировало вторые. Но после победы стран коалиции над Германией число сторонников нацизма резко упало.

ло долгую дискуссию об универсальности *феодализма*. А поскольку историография подвержена культуре деталей и нежеланию обобщений, она ограничила распространение *феодализма* странами Западной Европы⁴.

Тогда как в исторической социологии и политических спорах понятие *феодализм* предельно расширялось. Маркс полагал, что социальная эволюция восходит от родо-племенной организации общества через рабство, феодализм и капитализм к окончательной фазе коммунизма, первым этапом которой будет социализм. Поэтому марксисты были заинтересованы в квалификации феодализма как всеобщего, а не локального явления. Ведь если предположить, что одна из промежуточных стадий может отсутствовать, то неизбежны сомнения в абсолютной необходимости последующих стадий. Марксисты отличались склонностью называть феодальным любое общество, которое не было ни племенным, ни капиталистическим, ни социалистическим, ни племенным. Нередко термин *феодализм* использовался для определения любой разновидности социального зла, под который попадали все формы неравенства, эксплуатации и традиционализма.

Андрески констатирует: ценность исторических дискуссий падала по причине игнорирования сторонами дискуссий трех истин, установленных в логико-методологических исследованиях XX в.: денотация любого понятия зависит от его конотаций; в мире социальных явлений наличие или отсутствие определенного свойства есть проблема степени; имея дело с множествами слабо связанных между собой свойств следует учитывать изменчивость степени наличия каждого свойства в различных случаях.

Следующим примером бесплодности политических дискуссий является понятие *класс*. С. Андрески пишет, что если бы Землю посетил марсианин, у которого был словарь всех земных языков, то «...он крайне удивился бы тому факту, что в разных частях мира любой человек попадал в незавидное положение, едва пытался использовать слово «класс» не в том значении, которое определил писатель, живший сто лет тому назад» [Ibid.: 164]. Такой пурризм невозможно оправдать ни этимологией, ни канонами научного знания. Но его легко объяснить, если рассматривать слово *класс* как инвективу, которую можно использовать для манипуляции поведением людей.

Такая ситуация как раз была типична для марксизма. Употребление термина *класс* было ошибкой Маркса, которой Андрески дает исторические пояснения. Термин *класс* восходит к латыни. В Древнем Риме *класс* определялся как группа граждан с определенными правами, которые устанавливались в соответствии с материальными благами, типом вооружения во время военной службы, веса голоса в публичных собраниях и места данной группы во время торжественных шествий. Вытекающие из богатства, власти и престижа ранги соответствовали друг другу. Но современный смысл слова *класс* стал всеобщим после разрушения правовых границ между сословиями во время Французской революции. Различия между классом, сословием и кастой относятся главным образом к степени различия и сходства слов, сути разделяющих их барьеров и возможности их преодоления. В любом случае указанные термины относятся к неравенству богатства, власти и социального престижа.

Маркс не смог выйти за пределы данной традиции, поскольку он признавал отношение собственности к средствам производства ключевым критерием классового деления. Действительно, в капиталистическом мире времен жизни Маркса это отношение детерминировало различия в богатстве, власти, престиже. В Англии в то время существовали наиболее развитые формы капитализма. Важнейшая линия социального раздела пролегла между обладателями капитала (в форме земли или фабрик) и теми, кто жил за счет продажи своего труда.

⁴ Согласно такой посылке даже Польша и Швеция не прошли через этап феодализма, поскольку шляхта в Польше обладала землей на правах наследования, а в Швеции она никогда не имела судебной власти над крестьянами.

Кроме богатства и участия в политической власти первые имели привилегированный доступ к образованию, карьере в доходных профессиях и на правительственных должностях. Разумеется, существовало также большое число независимых ремесленников, крестьян и мелких торговцев, но их значение падало, как предвидел Маркс. Ему было хорошо известно, что в европейских монархиях существовали значительные слои офицеров и чиновников. Но он считал их реликтами уходящей феодальной эпохи. По его мнению, развитие промышленности уподобит крестьянские страны Западной Европы Англии его времени, в которой генералы и бюрократы не играли никакой роли.

Маркс приписывал генералов и солдат к различным классам, хотя в соответствии с правом они находились в равном отношении к средствам своей профессии. У генерала было не больше прав на собственность своей кареты, чем у кучера. Маркс не извлек никаких следствий из данного факта, поскольку считал власть, не основанную на собственности, пережитком докапиталистических формаций. В этом состояла его коренная ошибка. **По сути, именно рост частной и публичной бюрократии свел на нет осуществление марксовых предвидений относительно дальнейшего развития цивилизации.** Сегодня любой человек видит большие блага (в форме денег, власти и престижа), которые дает высокий пост в частных конторах и правительственных органах. Поэтому отношения собственности — лишь один из источников социального неравенства. Марксов критерий классового деления давно утратил свою научную ценность — частично в капитализме и полностью в странах, которые пытались построить социализм.

Но почему же коммунисты и их сторонники держались за дефиницию Маркса? — ставит вопрос Андрески. Потому что подмена термина *неравенство* термином *класс* и отождествление классовых различий с отношением собственности к средствам производства давала возможность провозглашать, что неравенства исчезли (или исчезнут) после ликвидации частной собственности на средства производства. Иначе говоря, **коммунисты принуждали всех использовать устаревшие дефиниции, чтобы успокоить и обмануть людей в странах, которыми они управляли, а также подстрекать массы в капиталистических странах.**

Из этой дефиниции вытекает множество следствий ошибки как полезных пропагандистских фикций. К ним принадлежит утверждение: властвующие члены коммунистических партий и рабочие принадлежат к одному социальному классу, поскольку никто из них не обладает средствами производства. Это утверждение обосновывало легитимность советской власти. Поэтому нетрудно понять, почему ее сторонники повторяли столетние шаблоны мысли. Но отсюда не вытекает, что противники такой дефиниции имели в виду исключительно методологическую истинность. Просто противники коммунистов хотели лишить их возможности манипулировать позициями людей с помощью данной дефиниции. Но вследствие длительного употребления в контексте осуждения слово *класс* приобрело такой эмоциональный оттенок, который невозможно игнорировать. Слово *класс* — успешное средство пробуждения в людях отрицательного отношения к определенным социальным образованиям. Противодействие марксистскому способу употребления слова *класс* вытекало прежде всего из политических, а не познавательных побуждений. Хотя на деле оно было позитивной борьбой с культивированием СССР и его сателлитами пропаганды посредством жонглирования словами.

В настоящее время, — констатирует Андрески, — уже мало осталось сторонников советского социализма. Однако апостолы американского образа жизни по-прежнему стараются скрыть существование неравенства в США, вычеркивая из словарей социологических терминов термин *класс*. Вместо него вводятся термины *слой* или *статусная группа*. В Латинской Америке нарастает вражда между богатыми и бедными. На ее фоне политологи из США стараются околдовать действительность, используя термины *сектор* или *сегмент* вместо враж-

дебного термина *класс*. Традиционные крестьяне тоже определяли дьявола эвфемизмами в опасении, что слово может привести к его появлению.

Андрески называет Т. Парсонса «Папой социологической ортодоксии». Тот создал свою концепцию для проклятия дурных мыслей об эксплуатации, угнетении и несправедливости. Выстроил такую систему дефиниций, которая не оставляет для них места. По мнению Парсонса, положение человека в обществе зависит только от того, в какой степени он живет в соответствии с идеалами общества. Представление об этом дает цитата, которую приводит Андрески:

«В любой конкретной социальной системе реально существует система ранжирования в терминах моральной оценки. Но это в некотором смысле предполагает наличие интегрированного ряда стандартов, согласно которым даются или должны даваться оценки. Поскольку ряд стандартов образует нормативную модель, то фактически существующая система не будет точно совпадать с этой моделью. Фактическая система отношений иерархии в той мере, в какой она опирается на моральные санкции, может быть, таким образом, названа системой социальной стратификации. Напротив, нормативная модель будет названа нами шкалой стратификации.

Так как шкала стратификации представляет собой упорядоченную структуру, образуемую моральным авторитетом, интегрированным с точки зрения общепринятых нравственных чувств, она тем самым является частью институциональной структуры социальной системы» [Парсонс 2000: 160].

Комментарий Андрески к цитате звучит так: если раб послушен своему господину, он оказывает уважение к социальным ценностям; современные примеры того же феномена находятся в тюрьмах, лагерях принудительного труда, бандах преступников и в других сообществах, в которых brutальное насилие вызывает раболепие и подобоострастие.

Затем Андрески фиксирует связь современных СМИ, которые создали атмосферу погони за сенсациями, с ошибками Фрейда. В масс-медиа вместо благопристойных банальностей манипулируют словами в целях шокирования публики. Пионером здесь является Фрейд, хотя его намерения были иными. Фрейду до сих пор оказывают почести как аналитику сознания. Андрески иронизирует, что Фрейд мог бы стать супераналитиком, если бы не стремился к созданию собственного культа, элементами которого было приращение словам превратного смысла и стремление окружать себя фанатичными и даже сумасшедшими последователями. Фрейд использовал слово *сексуальный* вместо слова *чувственный*. Он назвал сексуальным инстинктом идею о том, что мысль и поведение ребенка руководствуются поиском приятных ощущений и на этой основе квалифицировал ребенка как *полиморфного извращенца*. «Надо было найти нейтральное название, — пишет Андрески, — для определения детской склонности к получению приятности от сосания груди матери, большого пальца и экскрементов. В этом случае его теория более соответствовала бы научной точке зрения и меньше походила бы на суррогат религии» [Andreski 2002: 168].

Наиболее ярким примером зависимости терминологии от пропаганды являются злоключения термина *идеология*. В истории XX в. этот термин наиболее пострадал в результате явной или скрытой пропаганды. Уже в начале XIX в. термин был отягчен отрицательным определением. Вплоть до настоящего времени он выражает обвинение в явной или скрытой лжи. Андрески предлагает нейтральное определение идеологии: «Это совокупность убеждений на тему фактов, причин и ценностей, которые поддерживают друг друга на основе логических связей или аналогий связанных с ними чувств, которые с точки зрения рационального мышления являются частично не проверенными, в принципе непроверяемыми или ложными» [Ibid.]. Любая социальная система поддерживает так понятию идеологию и поддерживается последней. Идеология может быть возвышенной или низмен-

ной, честной или тенденциозной — это уже частный вопрос. Но немного найдется таких людей, которые готовы признать, что их идеалы опираются на непроверенные, непроверяемые и даже ложные основания. Большинство будет противостоять такому определению идеологии, которое наталкивает их убеждения на подозрения во лжи. С другой стороны, почти все считают веру и убеждения противников отъявленной ложью. Поэтому до сих пор популярны такие определения идеологии, которые охватывают убеждения оппонентов, но исключают наши собственные взглядов. В любом случае термин *идеология* намного чаще выступает в качестве идеологического оружия, чем средства познания. Поэтому Андрески предлагает присмотреться к ряду слов, которые целенаправленно были созданы как научные термины, лишенные эмоциональных и мировоззренческих коннотаций.

Он детально описывает маски идеологии. Психологи, социологи, антропологи, политологи и педагоги постоянно употребляют слово *социализация*. Эта сравнительно новая мода не связана с открытием нового явления, к которому должен относиться данный термин. Давно всем известно, что характер каждого человека зависит от среды, в которой он живет и которая формирует его ценности, язык, вкусы и способности. Именно в таком значении использовалось слово *воспитание*. Дюркгейм писал о «моральном образовании», имея в виду именно *воспитание*. Пособия для офицеров всегда были наполнены советами, как воспитать мораль солдат и внушить им рыцарские доблести. Не является также заслугой психологов и социологов открытие факторов, детерминирующих характер. Например, о влиянии товарищей прекрасно знают родители и учителя, придающие большое внимание сфере общения своих детей и учеников. У неграмотных крестьян тоже есть множество поговорок, которые выражают это обыденное знание. Оно не является также новым предметом ученых рассуждений, поскольку уже у Платона есть целая доктрина на эту тему. Поэтому претендующий на научность термин *группа ровесников* никакой новизны не представляет.

Слово *социализация* тоже не имеет научной новизны. Правда, его можно использовать для описания всего процесса формирования личности средой. Однако для этого уже давно существуют более однозначные термины. В книге «Антропология» Альфреда Льюиса Кребера (первое издание вышло в 1923 г.) содержатся размышления о том, как культура формирует индивидов. Иначе говоря, более полезный термин *культура* был заменен *социализацией*. «Видимо, потому, — посмеивается Андрески, — что второе слово заканчивается на «ция» и поэтому звучит более научно, тогда как воспитание связано с элементарным действием ремесленника» [Ibid.: 169]. Но более важная причина связана с различными оценочными подтекстами обоих слов.

Термин *воспитание* ничего не говорит о качестве конечного продукта, который в равной степени может оказаться хорошим и плохим. Данный термин более соответствует дескриптивному подходу, поскольку не противоречит естественным языковым ассоциациям, согласно которым трудно говорить о *социализации* плохо. Поэтому большинство избирает термин *социализация*, поскольку он предполагает скрытое одобрение любых способов воспитания обществом, группой или институтом своих новых членов, даже если учит их заталкивать детей в газовые камеры и одобряет это действие. Поэтому оно лучше подходит к социальным наукам, которые воспроизводят максимум «Все к лучшему в этом лучшем из миров». Тогда как *воспитание* звучит зловеще, поскольку сигнализирует о беспомощности и пассивности индивида перед лицом мощных сил коллектива (сообщества), что более-менее отражает фактическое состояние вещей. Воспитание из необузданных рекрутов послушных и храбрых солдат обычно требует столько брутальности, что выражение «обуздание» (укрощение) здесь подходит намного лучше, чем «социализация».

Конечно, можно использовать слово «социализация» таким образом, который управомочил бы положительную оценку, которую оно автоматически пробуждает в отношении к описываемому процессу. При этом можно сослаться на разработанную Георгом Гербертом Мидом концепцию развития молодого организма в социальное существо посредством обретения навыка коммуникации и взаимодействия с другими, что позволяет присвоить ей понятие «Я» и его словесный эквивалент. Социализацию можно определить как процесс передачи мыслей, чувств, способностей и обычаев, без которых невозможна социальная жизнь. Невозможно вообразить общество, в котором дети не учатся разговаривать, соблюдать нормы поведения и работать. Зато можно создать реестр таких форм поведения, которые разрушили бы любое общество, если бы они стали всеобщими. К ним относятся: полное отсутствие способностей предвидения; совершенная неспособность овладения собственными инстинктами; совершенное отсутствие способности правильного понимания намерений другого человека. Множество примеров такого поведения нетрудно обнаружить среди сумасшедших, но психиатрическая клиника может существовать лишь благодаря внешней помощи.

Можно ограничить значение «социализации» процессом формирования индивида обществом таким образом, который обеспечивает не только продолжение всех видов социальной жизни, но и сохранение данной социальной структуры. Между указанными двумя типами воспитания личности существует различие: первый содержит в себе другой как частный вариант, поскольку сохранение определенной структуры предполагает соблюдение условий, необходимых для существования социальной жизни в целом, а не наоборот. Например, купеческое сообщество распалось бы вследствие разрушения искусства подсчета, хотя его члены могли бы выжить, создавая аграрное общество. С другой стороны, если в таком сообществе дети не научатся работать и соблюдать правила, то его члены окажутся неспособными поддерживать совокупную жизнь вообще и умрут с голода или поубивают друг друга или будут завоеваны и угнетаемы чужаками.

В целом термины могут быть средствами нанесения вреда. Андрески предлагает считать нанесением вреда оперирование неясным термином, который затушевывает ключевые различия, делая невозможным изучение их причин и следствий. По его мнению, нет оснований полагать весь корпус внедряемых членам общества обычаев, верований и убеждений необходимым и достаточным его самосохранения. Тогда как убеждение *Все существующие в данный момент времени верования и обычаи являются необходимыми для любого вида совместной жизни* следует признать абсурдным. Короче говоря, следует отвергнуть стереотип мысли, согласно которому все существующее признается необходимым.

Аргументация Андрески этого ключевого положения представляет немалый интерес, поскольку указанный шаблон мысли до сих пор популярен. Проследим основные звенья в цепи его аргументов.

Андрески вполне обоснованно считает, что лишь немногие люди получают удовольствие от убийства своих сородичей (членов человеческого рода). Поэтому можно согласиться с принципом одобрения решений, необходимых для существования социальной жизни. На этом основании следует положительно оценивать действия, которые образуют *социализацию* в ее основном значении. Если же при употреблении слова *социализация* смешивать необходимое с тем, что существует в данном месте и времени, то нетрудно протащить мнение, согласно которому существующие социальные устройства являются не только необходимыми, но и заслуживают положительной оценки. С помощью такой терминологии пытаются убедить, что все к лучшему в этом лучшем из миров.

Это убеждение ведет к довольству существующим социальным порядком. При этом бесконечное повторение слова *социализация* должно подавить любые сомнения в следствиях существующего способа воспитания. Тем самым замалчивается возможность того, что

привычки и позиции, воспитываемые у молодых людей, могут быть весьма вредными, а в крайних случаях вызывать распад общества. Группы или институты уничтожают сами себя, поскольку так воспитывают своих членов, что они неспособны выполнять необходимые задачи по сохранению данных групп и институтов. По той же причине армии проигрывают битвы, народы завоевываются захватчиками, фирмы впадают в банкротство, учреждения не выполняют свои функции, семьи распадаются, правительства рушатся. Во многих указанных случаях члены группы не в состоянии сопротивляться внешней силе.

Но нередко главной причиной оказывается неспособность передать следующему поколению позиции и способности, которые в прошлом были гарантией сохранения общества⁵. Парето сконструировал свою теорию циркуляции элит на основе посылки: привилегированные классы неспособны передавать своим детям доблести, необходимые для успешного управления. Явление циклического возвышения и упадка семей стало темой многих романов и народных преданий. Оно также опосредованно подтверждает тенденцию де-социализированного воспитания молодежи: развращенный молодой барин транжирит и уничтожает то, что его предки создали своими мозолистыми руками.

Смысл политической социализации. Андрески предлагает исходить из неопровержимого факта: последствия политического образования могут быть катастрофичны. Поэтому выражение «политическая социализация» — одна из наиболее циничных и зловредных хитростей развратного криптоконсерватизма, скрытого за формулой «Все к лучшему в нашем лучшем из миров». Можно называть *социализацией* процесс, при котором ребенок учится коммуницировать и сотрудничать с другими. Но следует считать злоупотреблением использование этого молчаливо одобрительного выражения по отношению к урокам двуличия, жестокости, паразитизма и других свойств, популярных в мире политики недостатков. Не следует забывать факты истории XX в.: солдаты СС заталкивали детей в газовые камеры; солдаты США привыкли сжигать вьетнамские села; начинающих чиновников и политиков в Конго учат принуждать к взяткам; советские деятели предавали своих друзей, исключенных из партии; агентов политической полиции учат применять шантаж и убийства в политических целях и т. п. Значит, использование термина *политическая социализация* для формирования указанных свойств характера доказывает полную моральную атрофию индивидов, особенно если они оперируют ложным утверждением: указанные поступки способствуют сохранению организации, которая их воспитывает. Часто бывает совсем наоборот: коррупция и насилие ведут к падению многих правительств и даже государств. Не исключено, что гитлеровцы могли бы выиграть войну, если бы в процессе социализации не воспитывали у своих земляков вкус к жестокости и лжи в отношении оккупированных народов, вызывающих лишь ненависть и сопротивление нацистам. **Нет оснований полагать, что способ воспитания индивидов любой политической системой с необходимостью служит ее сохранению, не говоря уже о пользе для человечества.** Тогда как привычка использовать термин «политическая социализация» может вытекать из стремления улучшить собственное положение политики с помощью претенциозной терминологии или обрести позитивное отношение к политикам посредством одобрения всего того, что делают политики на самом деле.

⁵ Хотя в целом эта проблема достаточно сложная, но невозможно отрицать факт: в период падения Римской Империи ее граждане уже не обладали доблестями, которые обеспечивали им овладение целым бассейном Средиземного моря. Польские магнаты подписывали за взятки документы разделов Польши и не проявили качеств, которые в прежние времена гарантировали существование Жечи Посполитой. Французская аристократия не смогла справиться с революционными силами, поскольку потеряла добродетели и доблести, необходимые для удержания своего господства.

Еще более показательным примером пропаганды в маске научности Андрески считает термин *приписывать* (ascribed). По его мнению, Ральф Ликтон стремился прослыть оригинальным мыслителем, когда ввел моду говорить *приписанный* вместо *унаследованный* статус. Подобно другим псевдонаучным инновациям, эта замена позволяет испечь два пирога на одном огне: помогает социологам или антропологам в борьбе за высокий академический статус; обслуживает похабный криптоконсерватизм. Всем известно, что унаследовать значит «войти во владение тем, что было у родителей или других членов семьи». Но когда вместо того, чтобы сказать: «тот или другой унаследовал свой социальный статус», мы утверждаем, что статус оказался ему приписанным, то мы придаем всей ситуации несколько иной колорит. В этом случае мы полагаем, что данный индивид обязан своими привилегиями акту приписывания, совершенного неким верховным существом типа Бога или Общества. Но Общество — это мы сами. Значит, мы приписали особый статус лишь немногим из нас. А поскольку мы это совершили, то теперь не должны жаловаться, если оказались на дне социальной иерархии.

Достигнутый статус выступает противоположностью *приписанного* (или унаследованного) статуса. По мнению Андрески, он просто заменяет термин *полученный*, используемый в допарсоновские времена по отношению к статусу, который не был наследуемым. Указанная подмена частично возникла потому, что это чисто вербальная процедура. Она выполнена без всяких умственных усилий, но создает видимость научного прогресса. Дополнительной причиной популярности такого жонглирования словами оказывается то, что *достижение* звучит благозвучнее, чем *получение*, которое вызывает отрицательные ассоциации, особенно после периода антикапиталистической пропаганды. С логической точки зрения здесь нет большого различия, однако в научном дискурсе не должно быть места чисто вербальным трюкам. С другой стороны, специалисты по рекламе доказали, что можно намного лучше влиять на поведение людей посредством игры с воображаемыми ассоциациями, чем с помощью трезвых логическими аргументами. Бесплезность последних в качестве орудия манипуляции массами показал уже Аристотель в «Риторике».

Андрески полагает, что можно написать целый том переводов благозвучных эвфемизмов социальных наук на нормальный язык, но делает лишь пару шагов по этой непроходимой чаще. Первым шагом является анализ термина *универсализм*. Этот термин давно изобретен теологами, а в социологию перенесен Парсонсом (которого Андрески иронически называет «Великим Мастером») в целях замены никчемного и обыденного слова *безличность*. Поэтому никто не должен жаловаться, если в больнице, учреждении или бюрократизированной школе к нему отнеслись как к номеру в огромном списке, поскольку помимо ощущения персонификации социальных отношений каждый ощутил универсальное благочиние. «Разумеется, — пишет Андрески, — я не считаю, что всегда лучше, если отношение к тебе зависит от личного отношения с собеседником и что безличность всегда плохая, поскольку она тоже имеет положительные стороны. Речь идет лишь о том, что *безличность* и *универсализм* у Парсонса означает одно и то же. Значит, нет причин заменять одно выражение другим, разве что в целях их применения в борьбе за академический статус. Особенно если смысл второго слова обретает эмоциональную окраску, с помощью которой облагораживается бюрократия» [Ibid.: 175].

Давно известно, — резонирует Андрески, — что любая группа, клуб, военная часть и прочие сообщества базируются на определенных организационных установлениях, благодаря которым его можно отличать от окружения. Если членство в данной группе приносит пользу, надо привести в действие механизм исключения посторонних и монополизации за группой определенных занятий и привилегий. Однако термины «исключение» и «монополизация» описывают, как на самом деле устроен мир. Поэтому они заменены эвфемизмом

«поддержание границ», напоминающим выражение «чинить забор», который в американском сленге означает согласие с соседом. До Парсонса никому не пришло в голову делать теорию из банальности: каждый коллектив должен иметь подвижную, но существующую границу. «Если ты хочешь жаловаться на налоги или на способ раздела публичных благ, то должен понять, что согласно Парсонсу социальные действия являются целевыми — возможно, это тебя успокоит. Разве ты найдешь смелости поставить вопрос: чьи цели должны быть достигнуты? Если ты по-прежнему задаешь неприличные вопросы, то ты «девиант» или извращенец» [Ibid.: 175].

Термин *девиация* тоже содержит зачатия в духе наглого конформизма. В дескриптивном смысле девиация означает отступление от норм обычного поведения в данном обществе. Но при использовании данного термина в психологии и социологии он применяется лишь к определенным отступлениям от норм. Лишь немногие люди обладают большой ответственности, славой или знанием. Поэтому со статистической точки зрения они являются *девиантами* (или извращенцами). Но с логической точки зрения мы должны так называть всех премьеров, президентов, министров, миллионеров, кинозвезд, космонавтов, известных ученых и т. д. В литературе по этому вопросу обычно говорится, что *девиация* означает переплетение этических норм, а не обладание неким редким свойством или способностью. Почему же в таком случае не говорится о *преступлении*, а только о *девиации*? — ставит вопрос Андрески.

Обоснование правомерности такого вопроса включает следующие ходы мысли. Хорошо известно, что абсолютное большинство индивидов из мира большой политики или бизнеса используют этически сомнительные средства, которые граничат с преступными. Внизу социальной лестницы тоже находится множество мелких эксплуататоров, шантажистов, лгунов, интриганов, проходимцев, обманщиков, лицемеров, хитрецов и прочих лиц подобного покроя. Они тоже нарушают нормы этики, но о них не упоминают при рассуждениях о девиации. Для описания связи между верхами и низами общества Андрески предлагает концепт бюрократической интриги: «В настоящее время, — констатирует он, — верхи и низы социальной лестницы связывает бюрократическая интрига. Это — одно из наиболее распространенных нарушений этики, которое наносит обществу больше вреда, чем все мелкие воровства, вместе взятые. Однако ничего подобного не должно быть в мире, который управляется «универсализмом». И о нем ничего не пишут специалисты по *девиации*. При доказательстве можно утверждать, что это настолько распространенная практика, что ее нельзя признать девиацией. Но посредством такого признания отодвигается в сторону критерий нарушения этических норм. А ссылка на строго статистическую норму вынуждает определять именем «девиантов» президентов и миллионеров. Ответ, согласно которому интриганы в данном случае не принимаются во внимание, поскольку их действия не вызывают нарушение права, ведет нас опять к исходному вопросу: зачем использовать термин *девиация*, если речь идет просто о преступлении? Ведь намного легче проверить, был ли нарушен какой-либо закон, чем сводить данный тип поведения к неясной категории «девиация». Но поскольку законы часто и произвольно меняются, а одно и то же действие может квалифицироваться как преступление и отсутствие состава преступления (хотя мотивация и последствия действия остаются одинаковыми), в поисках причин возникла мысль создать более широкое и точное понятие, чем преступление» [Ibid.: 176–177].

Андрески обращает внимание на то, что повседневная речь содержит множество слов для различения типов, на которые накладывается общее имя *девиации*: эксцентрик, еретик, отщепенец, бунтарь, мошенник, вор и т. д. Различие определений каждого из типов пробуждает сомнение в указанном общем имени. При использовании термина *девиация* для обозначения всех указанных типов мы полагаем их родство. Но никто не представил уеди-

тельных аргументов в пользу такого тезиса. «Значит, мы имеем дело с термином, который функционирует совершенно иначе, чем понятия естественных наук: вместо обнаружения скрытых и прежде не обнаруженных связей между мнимо различными явлениями этот термин помогает затушевывать различия и противоречия, а к тому же является менее точным и оценочным, чем выражения обыденного языка и обязан своей популярностью не эвристической, но криптопропагандистской ценности (достоинству)» [Ibid.: 177].

Соблазн многозначности и привкус псевдонаучной новинки способствуют тому, что термин *девиация* оказывается крайне полезным для миссионеров развратного криптоконсерватизма. Он позволяет бросать в один мешок еретиков, интеллектуальных инноваторов и критиков существующего порядка вместе с ворами, проститутками, наркоманами и чудовищами, которые душат маленьких девочек. *Девиация* подобна *дисфункции*. Она является общим термином, используемым для осуждения нонконформистов от имени науки и бросающим в одну бочку Сократа и Спинозу вместе с Аль Капоне и Джеком Потрошителем.

«Отсюда не вытекает, — информирует Андрески, — что я лично исповедую культ различия и нонконформизма, который в последнее время вошел в моду. Каждому мыслящему существу должно быть ясно, что ценность таких позиций целиком зависит от того, против чего направлен протест, с чем человек не желает иметь ничего общего и что предлагает взамен. Преклонение перед различием равно глупости слепого и бездумного консерватизма или вере в то, что каждое новое решение будет лучше предшествующего или квалификации как *реакции* любой формы противодействия изменениям независимо от того, против чего оно направлено. Наибольший контраст существует между трезвым, независимым и надежным использованием разума и тупым эпигонством. Волна распущенного конформизма (особенно в США) подготовила почву для бездумной любви к бунту, совершаемого ради самого факта протеста против чего бы то ни было» [Ibid.: 177–178].

Андрески заканчивает главу самым вкусным куском из меню разнузданного криптоконсерватизма — оценкой концепции власти Парсонса в изложении Липсета, который поддался пению сирен разнузданного криптоконсерватизма: «Парсонс полагал, что власть — в его категориях понятая как способность мобилизовать средства, необходимые для функционирования системы — необходимо рассматривать (не оценивать) следующим образом. Существование авторитетов и руководителей, задача которых состоит в выполнении того, что необходимо с социальной точки зрения, вписано в структуру любого сложного общества. Большинство того, что делают люди на вершинах обществ и организаций, является необходимым» [Lipset 1968: 147–148].

«Таким образом, — заключает английский коллега, — если ты чех, то не возмущайся тем, что сделал Гусак с Дубчеком и другими предателями рабочего класса; если родился в Бразилии, тебе должны нравиться Эскадроны Смерти; если ты русский, не считай злодеем товарища Андропова за то, что он бросил в сумасшедший дом пару строптивых писателей; если живешь на Гаити, должен делать то, что говорил им президент Баби Док; если негр и страдаешь по причине апартеида, не проклинай Форстера. Прислушайся к голосу Науки и вникни в ее дефиницию, из которой ясно вытекает, что (подобно любому властителю, не исключая Калигулы и Гитлера) все эти господа делали все сказанное исключительно потому, что это было необходимым» [Andreski 2002: 178].